

и современные тенденции ее развития, можно предсказать дальнейшее расширение и углубление чувашско-русского двуязычия и процесса интеграции в культуру сибирских чувашей культурно-языкового потенциала русских.

4. В духовной культуре сибирских чувашей определяющей является тенденция к размыванию этнически значимых черт в обрядовой культуре и фольклоре с замещением утраченных элементов соответствующими русскими эквивалентами.

Учитывая, что процессы такого рода могут развиваться только диахронно, можно представить, какими еще потерями уже не только этнически, но и социально значимых культурных ценностей и ориентаций они обернутся при таком возможном переходе от одной системы этнокультурных и языковых традиций к другой.

Способствовать недопущению этого может лишь значительная культурно-языковая «подпитка» чувашей этнически содержательной информацией при посредстве СМИ, книготорговых организаций и культурно-просветительных учреждений. Ввиду того что чувашский язык пока еще играет определенную функциональную роль в жизнедеятельности сибирско-чувашских этнических групп, эти меры, а также усилия со стороны местных сибирских органов власти и правительства Чувашской АССР еще могут приостановить разрушительный процесс в этнической культуре сибирских чувашей.

Примечания

¹ Губогло М. Н. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР // Сов. этнография. (далее — СЭ). 1989. № 1. С. 26—41; Дробижева Л. М. О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // Там же. С. 41—47; Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Там же. № 5. С. 3—14.

² Коровушкин Д. Г. Современная духовная культура сибирских чувашей (предварительное сообщение) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 гг.: Тезисы докладов. Сухуми, 1988. С. 18—19; *его же*. О некоторых сторонах современной духовной культуры чувашей Западной Сибири // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Межвуз. темат. сб. науч. тр. Омск, 1989. С. 163—169; *его же*. Сохранение традиционных элементов в современной материальной культуре чувашей Западной Сибири // Научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири»: Тезисы докладов. Тюмень, 1989. С. 20—22; Коровушкин Д. Г., Реммлер В. В., Томилов Н. А. Коротко об экспедициях // СЭ. 1988. № 2. С. 165—166; Томилов Н. А., Коровушкин Д. Г., Реммлер В. В. Изучение динамики этнических процессов у народов и национальных групп России (по материалам Западной Сибири) // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР: Всесоюзная научно-практическая конференция «Национальные и социально-культурные процессы в СССР»: Тезисы докладов. Омск, 1990. С. 6—13.

³ Иванов В. П., Трофимов А. А. Народное искусство чувашей: современное состояние и проблемы // СЭ. 1989. № 3. С. 81—89.

⁴ Чуваша: современные этнокультурные процессы. М., 1988. С. 110—111.

⁵ Там же. С. 111.

© 1991 г., СЭ, № 4

Н. Ф. Мокшин

МОРДВА — ЭТНОНИМ ИЛИ ЭТНОФОЛИЗМ?

В последнее время не только в устных высказываниях, но и в теле- и радиовещании Мордовии, в местной и даже центральной печати в связи с оживлением интереса к национальным процессам и межнациональным отношениям вновь заговорили об этнониме «мордва», его происхождении и употреблении, причем

некоторые авторы — с акцентом на его якобы негативный, этнофолический (прозвищный) характер. Так, авторы письма, присланного в «Литературную газету» из мордовского с. Алькино Ковылкинского р-на МАССР, называют этот этноним «пренелепым словом-паразитом», «кличкой», «несуразным прозвищем», по вине которого «...люди стали отрекаться от своего действительного родства, можно сказать, валом сплошным повалили (в особенности молодые) в „русские“. И пожалуй, может наступить вскорости такой худой исторический момент, когда земная цивилизация одним махом навеки лишится двух замечательных народностей, когда Мордовия окажется лишь названием административной территории и ничем более...»¹

Вновь, как и при создании Мордовской автономии, вносятся предложения именовать ее не Мордовской, а Мокша-Эрзянской или Эрзя-Мокшанской.

Насколько основательны, аргументированы такие заявления? Может быть, и в самом деле следует прислушаться к ним и удовлетворить их? Чтобы дать обстоятельный ответ на эти, прямо скажем, непростые вопросы, надо не только проанализировать современные тенденции этнонационального развития мордвы, но и обратиться к глубинным истокам ее этнической истории.

Мордовский этнос — один из древних аборигенных этносов Восточной Европы, возникший в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. Его этническая территория находилась в междуречье Волги и Оки. Разумеется, в разные исторические периоды территория эта несколько менялась, то расширяясь, то сужаясь. Так, в период раннего феодализма (до XIII в.) западной границей расселения мордвы можно считать р. Оку, о чем свидетельствуют не только летописные источники, но и гидронимы, локализуемые в окском бассейне: реки Мордвес, Мордовка и некоторые другие. Северная граница проходила по Оке и Волге (по-мордовски *Рав*), восточная — по Суре, южная — по естественному рубежу леса и степи. Эрзя занимала северную часть «Мордовской земли» (так Мордовия называлась в русских летописях. — Н. М.), мокша — южную.

На западе и северо-западе соседями мордвы были мурома, восточные славяне (преимущественно вятичи), русские (по-мордовски *рузт*). На юге — хазары, потом печенеги, с XI в. — половцы и куманы или огузы (по-мордовски *гузт*), а затем татары (по-мордовски *печкаст*), на востоке — волжские булгары, впоследствии чуваша (по-мордовски *ветькеть*).

Этноним *мордва* появляется в довольно ранних письменных источниках. В ряду этих источников в первую очередь назовем книгу византийского епископа Иордана (гота по происхождению) «Getica» («О происхождении и деяниях гетов»), законченную им в 551 г. Говоря о походах короля гетов Германариха (умер в 375 или в 376 г.), которого многие древние писатели сравнивали с Александром Великим, Иордан сообщал, что король покорил много весьма воинственных племен и заставил их повиноваться своим законам. В ряду этих племен он называет и *Mordens*², под которым следует разуметь мордву. По свидетельству императора Византии Константина Порфирогенета (905—959 гг.), *Mordja* находилась в десяти днях пути от Печенегии³.

В западноевропейских средневековых источниках мордва называется также *Merdas*, *Merdinis*, *Merdium*, *Mordani*, *Mordua*, *Morduinos*. В древнерусских летописях этноним *мордва* встречается с XI—XIII вв. Наряду с этнонимом *мордва* в них есть и этноним *мордвичи*. Псевдопатронимическое оформление этнонимов на *-ичи* довольно широко применялось в древнерусских источниках (вогуличи, дреговичи, кривичи, немичи, русичи, тоймичи и др.).

Как известно, этноним мордва восходит к ирано-скифским языкам (ср.: иранское *mard* — мужчина, таджикское *мард* — мужчина). В мордовских языках указанное слово сохранилось для обозначения мужа — супруга (*мурде*). В русском слове «мордва» частица *ва* носит оттенок собирательности. Его можно сопоставить с этнонимами литва, татарва. В русских источниках вплоть до XVII в. мордва выступает только под этнонимом «мордва».

Одно из наиболее ранних письменных известий об этнониме *эрзя* (*арису*) дошло до нас в послании кагана Хазарии Иосифа (X в.). Имеется, правда,

мнение, что это не первое письменное свидетельство об эрзе. Более ранние упоминания встречаются в трудах древнегреческих ученых — Страбона (*аорсы*) и Птолема (*арсииты*)⁴.

Самые ранние письменные сведения об этнониме *мокша* (*Moxel*) содержатся в записках фламандского путешественника XIII в. Гильома Рубрука, а также в сочинении «Джами-ат-таварих» («Сборник летописей», на персидском языке) иранского историка и государственного деятеля Рашида-ад-Дина (1247—1318), которое считается основным источником по политической и социально-экономической истории монголов. Как отмечал последний, в год курицы, соответствующий 634 г. (с. 4.IX.1236 по 23.VIII.1237 г.), сыновья Джучи Бату, Орда и Берке, сын Угетай-кагана Кадан, внук Чагатая Бури и сын Чингизхана Кулькан «занялись войной с мокшей, буртасами и арджанами (эрзянами.— Н. М.) и в короткое время завладели ими»⁵.

Обычно полагали, что если этимология этнонима «мордва» индоевропейского происхождения, то этимология этнонимов «эрзя» и «мокша» имеет местные, мордовские, истоки. Однако последние разыскания не подтверждают этого, свидетельствуя в пользу индоевропейского происхождения данных этнонимов⁶. Эрзя восходит, вероятнее всего, к иранской лексике (иранское *aršan* — самец, мужчина, герой), а *мокша* — к индоевропейскому гидрониму Мокша (ср. в санскрите *moksha* — проливание, утеkanie, освобождение).

«Сама мордва,— писал А. А. Шахматов в начале XX в.,— до сих пор не называет себя этим именем; мордвин говорит про себя, что он эрзя или мокша (это два разных племени мордовских); мордвой эрзян и мокшан называют русские. Очевидно, шедшие с юга русские, встретившись с мордвой, и назвали ее старым южно-русским, по происхождению скифским названием — мордва»⁷.

Однако мнение А. А. Шахматова о том, что «сама мордва до сих пор не называет себя этим именем», не совсем верно. Этнонимы «эрзя» и «мокша» чаще употребляются при внутриэтническом общении. Этноним же «мордва», первоначально использовавшийся для ее обозначения другими этносами, особенно индоевропейскими, очень давно стал употребляться самой мордвой в качестве эндоэтнонима, что в свою очередь сыграло немалую роль в осознании племенами, составившими древнюю мордву, своей общности. Как замечено исследователями, у некоторых протоэтнических образований, имевших определенные черты этноса, самоназвания (эндоэтнонимы) отсутствовали. Зато их соседи, исходя из наличия этих дискретивных черт, давали им особые названия, видя в них более или менее дискретные группы. «Вот почему,— справедливо отмечает В. А. Шнирельман,— для первобытности чрезвычайно характерным было признание этносом в качестве самоназвания этнонима, полученного от соседей. Такого рода этноним не воспринимался лишь в том случае, если он имел откровенно выраженный оскорбительный или уничижительный оттенок»⁸.

Уже с первой половины I тыс. н. э. в составе древнемордовской семьи племен начинают вырисовываться линии эволюции мокшанской и эрзянской групп племен, которые затем становятся все более явственными. Одной из существенных предпосылок такого раздвоения была обширность территории их расселения, затруднявшая контакты между племенными группами. Территориальная разобщенность обусловила связи этих племен с разными этносами, что порождало особенности в языке, антропологическом облике, культуре и быте мокши и эрзи. Немаловажной причиной дуализации древней мордвы можно считать и миграционные процессы, происходившие на ее этнической территории. Особенно заметную роль в изменении этнической ситуации, в пробуждении в среде древнемордовских племен дивергентных процессов, в разрыве их этнолингвистической непрерывности сыграло, вероятнее всего, вторжение во второй половине I тыс. н. э. со степного юга тюркских племен. Позднее ряд других политических (например, монголо-татарское нашествие и иго, казанско-ханские захваты), социально-экономические и этнокультурные факторы содействовали закреплению бинарности мордовского этноса, сохранившейся до наших дней.

В начале II тыс. н. э. намечается процесс формирования на базе древнемордовской семьи племен мордовской народности, что было обусловлено изменением социально-экономической структуры древней мордвы, формированием раннеклассовых отношений. Немаловажную роль в консолидации мордовской народности играла международная обстановка, которая в то время была весьма напряженной. Походы на мордву хазар и киевских князей приводили к тому, что она вынуждена была платить дань сначала Хазарскому каганату, а затем, после его ослабления, Киевской Руси. Но русские князья в столкновениях с мордвой порой терпели и неудачи. В «Киевской начальной летописи» под 1103 г. сообщается: «Того же лета бияся Ярослав с Мордвою месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав»⁹. Эти летописные строки свидетельствуют о наличии у мордвы военной организации, что также, несомненно, ускорило консолидацию мордовского этноса.

В конце XII — первой трети XIII в. во главе мордвы становится Пургас, при котором происходит концентрация значительной части мордвы в границах «Пургасовой волости» русских летописей. До сих пор точно не установлены ее очертания, так же как и ее центр, но есть предположение, что им могло быть Пургасово городище, остатки которого раскопаны в 60 км к востоку от города Кадома. «Пургасова волость», возникшая на основе союза по меньшей мере части мордовских племен, была тем потестарно-политическим образованием, которое способствовало территориальному сплочению этих племен. Оно закрепляло общность их социально-экономических и этнических интересов, ускоряло трансформацию в мордовскую феодальную народность.

Наряду с начавшейся консолидацией мордовских племен в единую народность, которую условно можно назвать народностью высшего таксономического уровня, шла консолидация эрзянской и мокшанской групп племен, образовавших в свою очередь две близкородственные народности — эрзю и мокшу. Их (разумеется, также условно) можно назвать народностями низшего таксономического уровня. Отмеченные процессы можно соответственно квалифицировать как макроконсолидацию и микроконсолидацию. Существование народностей различных уровней, иерархичность их этнического самосознания — одна из характерных черт этнического развития в эпоху феодальной общественно-экономической формации.

Объединение мордвы с Россией было длительным процессом, растянувшимся на целые века. Начиналось оно в пору, когда Русь еще не представляла собой единого целого, т. е. в период ее феодальной раздробленности, существования самостоятельных, порой конфликтовавших между собой русских княжеств, а завершилось с образованием единого Российского государства. Значительное воздействие на русско-мордовское сближение оказала совместная борьба против золотоордынского ига, а затем и Казанского ханства.

Иго Золотой Орды, а затем казанско-ханский гнет оказали негативное воздействие на консолидацию мордовской народности, нарушив нормальное развитие ее как этносоциальной целостности, отняли много сил, средств и человеческих жизней, усугубили эрзянско-мокшанские этнические различия. Присоединение мордвы к Российскому государству, ее включение в единый российский социальный организм имело большое позитивное значение не только для социально-экономического и политического, но и для этнического развития мордовской народности. Оно положило конец разобщению ее в пределах двух постоянно враждовавших между собой государств — Московского великого княжества и Казанского ханства, стимулировало консолидацию мордвы. Присоединение к России дало возможность возвратиться на родину, на Мокшу и Суру, многим угнанным в казанский полон мордовским людям, вернуть мордву в русло мирной, менее тревожной и опасной жизни.

Вхождение мордвы в состав России имело большое прогрессивное значение не только для мордовского, но и для русского народа. Мордва была первым крупным по численности и широко известным народом, присоединившимся к России. Ее пример оказал немалое воздействие на этническую ориентацию и других народов Поволжья (да и не только этого региона), входивших в состав

России непосредственно вслед за мордвой. Таким образом, присоединение мордвы к России было важным моментом в истории создания Российского многонационального государства.

Разумеется, мы далеки от идеализации процессов этнического развития мордовского народа в условиях царской России, но нельзя впадать и в другую крайность, изображая дореволюционное прошлое мордовского народа лишь в черных тонах. Так, нельзя согласиться с мнением некоторых авторов о том, что дореволюционная мордва находилась в состоянии вымирания, исчезновения¹⁰. Проведенный нами анализ материалов всеобщей переписи населения России 1897 г. и некоторых других источников свидетельствует о том, что, несмотря на ряд негативных факторов, замедлявших воспроизводство мордвы, в целом ее численность росла. Предсказания ряда дореволюционных ученых о скором и полном обрусении мордовского народа, оказались ошибочными, а сама постановка вопроса о поглощении мордвы как целого этноса русским этносом была необоснованной. Нельзя, конечно, полностью отрицать определенные ассимилятивные явления как результат многогранного объективного естественного процесса мордовско-русского общения, обусловленного всем ходом социально-экономического развития страны. Они имели место в действительности и были, кстати сказать, обоюдными, хотя вопрос об ассимиляции русских мордвой, их мордвинизации не нашел еще достаточного освещения.

К историческим судьбам дооктябрьской мордвы приложима ленинская характеристика, подчеркивающая, что «здесь нет еще завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой — (а это необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) здесь *еще* совершается»¹¹. Поэтому, на наш взгляд, является некоторым преувеличением утверждение, что мордва в предреволюционный период была капиталистической (буржуазной) нацией¹². Думается, вернее считать ее капиталистической народностью, развивавшейся ассоциированно с русской капиталистической нацией.

Октябрь 1917 г. положил конец экономическому и социальному гнету, этнической дискриминации мордовского, как и всех других народов России, создал возможности для их самоопределения. В 1921 г. в Самаре по инициативе ЦК РКП(б) был созван I Всероссийский съезд коммунистов мордвы, который принял решение о необходимости «выделить мордву в автономную единицу с управлением, соответствующим конституции РСФСР»¹³. В 1925 г. принимается постановление Президиума ВЦИК «О выделении территорий, населенных мордовским населением, в самостоятельные административные единицы»; в 1928 г. в пределах Средневолжской обл. создается Мордовский округ с центром в г. Саранске; в 1930 г. Президиум ВЦИК преобразовал Мордовский округ в Мордовскую автономную область, а в 1934 г. постановлением Президиума ВЦИК эта область в тех же границах в соответствии с волеизъявлением ее трудового населения провозглашена Мордовской Автономной Советской Социалистической Республикой. Образование мордовской советской социалистической государственности не только имело большое значение для развития народного хозяйства и культуры мордвы, оно создало более благоприятные условия и для ее трансформации в нацию.

В первые годы после Октябрьской революции наряду с тенденцией к дальнейшей интеграции эрзи и мокши в этноструктуру формирующейся мордовской нации заметной была и тенденция к дифференциации их не просто на внутри-этническом (субэтническом) уровне, а и на уровне основных этнических единиц: этносов (народов), нашедшая отражение и в ряде официальных документов. Так, в докладе заведующего Мордовским отделом Наркомнаца, направленном в ЦК РКП(б), говорилось: «Постановлением Коллегии на заседании 7-го марта 1921 г. решили созвать съезд ответственных партийных сил среди отсталой нашей мордовской нации, а также о выделении в самостоятельную автономную единицу н а р о д ы м о р д в ы (здесь и далее в цитате разрядка моя. — Н. М.) ...С созывом съезда и решением вопроса о выделении в автономную единицу

мы полагали более сплотить к сближению и к тесной связи между другими национальностями порядком культурного развития, просвещения и народы мордвы»¹⁴.

В 1921 г. I Всероссийский съезд коммунистов мордвы принял «Обращение к народам мордвы». В телеграмме, адресованной ЦК РКП (б), Ленину, Сталину, Зиновьеву, Троцкому, от имени этого съезда, было сказано: «Первый Всероссийский съезд коммунистов мордвы, собравшийся в Самаре под крылом III Конгресса Коминтерна, для скорейшего осуществления политики Советской власти в области национальных отсталых меньшинств, среди отсталых и народом мордвы, шлет горячий привет вождям мировой революции и выражает глубокую уверенность в проведении намеченных задач под их руководством»¹⁵ (разрядка моя. — Н. М.): В последующих партийных и советских документах выражение «народы мордвы» перестало употребляться, а становятся обычными выражения «мордовская народность», «мордовский народ», «мордовская национальность», «мордовская нация», которые используются как синонимы.

Этнодифференцирующая тенденция отчасти проявилась и при обсуждении проекта первой Конституции Мордовской АССР, принятой в 1937 г. К статье первой предлагалась поправка «принять название республики Мокша-Эрзянская АССР». Однако конституционная комиссия, которую возглавлял Н. Г. Сурдин — председатель ЦИК Мордовской АССР, — обсудив ее, пришла к заключению, что республику «...более правильно будет назвать Мордовской АССР» по той причине, что «... исторически все народы знают мордовскую национальность, а не ее отдельные части — мокша и эрзя. И кроме того, сам мордовский народ — и мокша, и эрзя — именуется себя мордвой. Отсюда едва ли есть необходимость искусственно создавать другое название»¹⁶.

Возможно, по примеру ряда народов (марийцев, удмуртов и др.), менявших после революции свои прежние официальные этнонимы, в среде мордовской интеллигенции в 1920-х годах также стали высказываться мнения о целесообразности замены этнонима «мордва» другим, более подходящим, «своим». Некоторое хождение имели обывательские взгляды, что-де слово *мордва* вообще не этноним, а прозвище, производное от русского слова *морда*. Это порождало у части мордовского населения нежелательные антирусские настроения.

Бытованию подобных взглядов способствовала и слабая в то время изученность истории мордовского народа, как, впрочем, и этнографии. Что касается ономастической науки, то она в то время делала лишь первые шаги. Даже в научных кругах по поводу этнонима «мордва» предлагались толкования, весьма далекие от истины. П. Д. Степанов, к примеру, утверждал, что этот этноним состоит из двух слов: *mor* или *mort* — человек, народ, люди, муж и *tuwa* (*tuwo*) — свинья¹⁷. На этом основании он строил целую гипотезу о мордве как «народе-свиноеде». Правда, позднее он признал, что сформулированная им «гипотеза о происхождении термина „мордва“ в иноплеменной среде по характерной особенности в пище древнемордовских племен должна быть оставлена как мало обоснованная с языковой стороны»¹⁸.

В 1920-х годах вместо этнонима «мордва» были предложены варианты: *мокшэрзят* (от мокша + эрзя) и *эрзямокшот* (от эрзя + мокша), которыми в литературе на мордовских языках стали называть мордву. Уже само по себе стремление соединить оба эти этнонима в один отражало центростремительные, консолидационные процессы. В мокшанской прессе наблюдалась тенденция употреблять форму *мокшэрзят*, в эрзянской же, наоборот, форму *эрзямокшот*. Тенденция эта прослеживается и по материалам сфрагистики. Например, на печати Мордовского облисполкома значилось: «Р.С.Ф.С.Р. Эрзянь-мокшонь Автономной областень исполнительный комитетось», а на печати Мордовского представительства при Президиуме ВЦИК было написано: «Р.С.Ф.С.Р. ЦИК-онь Президиумонь Мокшэрзянь Автономиянь масторонь (областень) Представительствазь»¹⁹.

К настоящему времени использование указанного этнонима стало более

унифицированным, чаще — в форме мокшэрзят, реже — эрзямокшот. Но эти этнонимы — искусственного, книжного происхождения, в таком сочетании мордвой никогда не употреблявшиеся, и мало вероятно, что они привьются в народе. Сейчас наряду с ними в национальной печати стал шире использоваться для обозначения всей мордвы этноним *мордва*, но все же продолжают оставаться обычными выражения «эрзят ды мокшот» или «мокшат ды эрзят», которыми обозначается вся мордва.

Как показывают полевые изыскания, проведенные нами²⁰, своеобразная конкуренция между мокшей и эрзей за приоритетное право именоваться мордвой отчасти сохраняется до сих пор. В кругу эрзи, к примеру, распространено мнение, что мордва — это они. «Мы в Иванцево — мордва, а в Печах и Санках живут мокша»²¹. Некоторые мокшане, напротив, заявляют, что мордвой являются именно они: «Мордва — это мы, мокша, а эрзя — не мордва»²². «Мы, мокша, — чистая мордва, а эрзя — другая нация»²³.

В то же время большинство мордвы осознает, что эрзя и мокша вместе составляют один и тот же народ — мордву. Так, на вопрос, адресованный мокше, мордва или нет эрзя, те обычно отвечают: «Кто же они, конечно, мордва, хотя мы их язык не совсем понимаем. Мы говорим *тракс* (корова), они говорят *скал*, мы говорим *шумбас* (заяц), они — *нумоло...*»²⁴. «Эрзяне тоже свои. Скажет, что эрзя, поближе к нему подойдешь, свой, возле него держишься на базаре или в другом месте»²⁵. «У нас зять — эрзя. Разговор у них не как наш, а народ один — мордовский»²⁶. «И мокшане и эрзяне — все мордва. Я с эрзянами работала, люди — хорошие, правда в их языке есть для нас непонятные слова, мы говорим *илять* (вечер), они — *чокшне*, по-мокшански *уча* (овца), а у них — *реве...*»²⁷.

Сходные ответы на указанный вопрос дают и эрзяне. «Мокша тоже мордва, как и мы, но они говорят как-то не по-нашему, слово поймешь, слово не поймешь. Я был в армии, служил с мокшанином. Он был моим другом. Мы с ним обычно говорили по-русски. Пробовали по-мордовски, но не получалось. Я плохо понимал его, а он — меня. Все же процентов на пятьдесят поймешь, когда будешь хорошо прислушиваться. Вот с чувашского, например, ничего не поймешь, если его не знаешь»²⁸. «И эрзя, и мокша — мордва, но у нас, у эрзи, язык не такой, как у мокши. Была я в Магадане, гостила у сына, который там работает. У него соседка оказалась мокшанкой. Она обрадовалась, что я — мордовка. Начали мы с ней говорить, я на эрзянском, она на своем, мокшанском, и плохо поняли друг друга. Тогда стали мы беседовать по-русски»²⁹.

Тенденция осознания единства мордовского народа особенно заметна среди горожан. Ее можно проследить и на селе, но там она проявляется не столь явно, как в городе. Вместе с тем приведенные примеры, а также другие данные, полученные в результате массовых этнографических опросов³⁰, свидетельствуют, что этническая консолидация мордвы имеет место, однако о завершении этого процесса говорить не приходится. И все же выводы такого рода делались³¹. В них отразилось проявленное некоторыми мордовскими авторами, и не только ими, стремление обогнать реально развивающиеся процессы, представить «свою» нацию более монолитной, чем это есть на самом деле. Эти выводы не так уж безобидны хотя бы потому, что они длительное время мешали изучению современных этнонациональных процессов у мордвы, дезориентировали и директивные органы, отвлекая их внимание от одной из кардинальных проблем развития мордовской нации.

Регулирование национальных процессов, как и межнациональных отношений, невозможно без глубокого знания этнической структуры любого народа. Под этноструктурой того или иного народа в советской историко-этнографической литературе принято понимать составляющие ее субэтнические компоненты (субэтноты) и этнографические группы, а также их взаимосвязи. Наиболее характерной чертой субэтносов является наличие самосознания и самоназвания, в то время как этнографические группы, не обладавая этими свойствами, выделяются главным образом своими языковыми, традиционно-культурными и конфессионально-этнографическими особенностями.

Наиболее известными этноструктурными подразделениями мордвы являются эрзя и мокша, хотя их современный этнический статус четко еще не определен. В этнографической литературе их обычно называют «коленами», «отраслями», «частями», «подгруппами», «группами», «большими группами», «крупными группами», «значительными группами», «основными группами» мордовского народа. Однако все эти термины, дающие в первом приближении некоторое представление о бинарности этноструктуры мордвы в настоящее время, в смысловом отношении весьма растяжимы и неопределенны. Они не позволяют достаточно ясно понять сущность указанных подразделений мордовского этноса.

Не совсем точен и термин «этническая группа», которым также называют эрзя и мокшу, ибо в одних случаях им обозначают внутреннее подразделение этноса, обладающее самосознанием, в других — «осколки» этноса. В связи с тем, что термин «этническая группа» больше подходит для обозначения «осколков» этноса, думается, эрзя и мокшу вернее считать не этническими группами, а субэтносоми, к которым относят отмеченные специфическими чертами культуры совокупности людей внутри этносов, обладающие самосознанием. Для эрзи и мокши такое самосознание характерно. Оно отразилось в этнонимах *эрзя* и *мокша* (точнее, субэтнонимах), устойчиво бытующих до сих пор³². Предпринимаемые в последнее время некоторыми авторами попытки считать эрзя и мокшу на нынешнем этапе исторического развития самостоятельными этносами-народами не имеют под собой достаточных оснований³³. Они не только не научны, но и политически вредны, ибо дезориентируют общественность, а прежде всего эрзян и мокшан, деформируют их этнические ориентиры.

На аналогичные попытки рассматривать некоторые другие субэтносы в качестве этносов-народов обратил внимание Ю. В. Бромлей. В одной из своих последних прижизненных публикаций он писал: «Следует вместе с тем отметить, что в вопросе об этнонациональной структуре страны в последнее время обнаружилась и другая крайность. А именно: стремление рассматривать некоторые субэтносы в качестве этносов-народов. Скажем, такие субэтносы татар, как тептяри и мишари, пытаются представить в качестве отдельных этносов-народов; другой пример — попытка рассматривать латгальцев не как субэтнос латышей, а в качестве самостоятельного этноса-народа. Более того, даже ставится вопрос о том, чтобы чуть ли не каждое групповое самоназвание этнического характера рассматривать в качестве свидетельства существования самостоятельного этноса. Между тем при таком подходе число самостоятельных народов страны может дойти до нескольких сотен. Представляется достаточно очевидным, что в данном случае явно игнорируются этноконсолидационные процессы, не только происходящие в наше время, но и имевшие место еще в дореволюционные годы»³⁴.

В научной литературе о мордве распространено мнение, что кроме эрзи и мокши мордва включает еще три равнозначных им по этнотаксономическому рангу подразделения, а именно *шокшу*, *каратаев* и *терюхан*. Причем во многих публикациях, как нечто само собой разумеющееся, названия эти рассматриваются в качестве этнонимов, хотя в действительности ими никогда не являлись. Возникает замкнутый круг, в котором повинна, если так можно выразиться, магия этнонима: ведь принято считать, что коль скоро есть этнонимы, то есть и разные этнические общности, ими обозначаемые³⁵.

Слово *шокша* в этнонимическом значении стало использоваться сравнительно недавно, в последние два-три десятилетия, для обозначения эрзян Теньгушевского и Торбеевского районов Мордовской республики. Сама себя эта группа мордвы называет «мордвой», «мордвой-эрзей», «эрзей», соседние мокшане именуют их чаще «эрзей», русские — «мордвой». Шокшей называется приток р. Мокши и село на его берегу. От гидронима Шокша и произошло название села. В исторических документах есть упоминания и о деревне Русская Шокша (ныне деревня Рязановка Ермишинского р-на Рязанской обл.), в которой проживают русские. Она расположена рядом с мордовским селом

Шокша. В настоящее время указанная группа эрзян проживает в 15 населенных пунктах Теньгушевского р-на и в пяти Торбеевского, составляя около 10 тыс. человек. Проживая длительное время в тесном соседстве с мокшей, эта группа эрзян восприняла от них некоторые элементы быта и культуры. Но влияние это все-таки оказалось не настолько глубоким, чтобы привести к утрате ими эрзянского самосознания.

Так называемые каратаи живут в трех небольших деревнях (Мордовские Каратаи, Заовражные Каратаи, Шершалан) Камско-Устьинского р-на Татарской ССР. Они считают себя мордвой, но уже не помнят, мокшей были их предки или эрзей. Татары соседних сел называют их *мукишляр*, т. е. мокша, русские — мордвой. Они хорошо владеют татарским языком, в религиозном отношении православные.

В настоящее время каратайская мордва все более сближается с русскими, чему способствует совместная работа в одном совхозе «Камско-Устьинский», школьное обучение, смешанные браки. По данным посемейного обследования, проведенного нами в деревне Мордовские Каратаи в 1976 г., мордовско-русские семьи составляли 6,7% всех семей, мордовско-татарские — 2,2%. В 1958 г. численность мордвы в указанных селениях доходила до тысячи человек, к 1976 г. она снизилась до трехсот, что обусловлено рядом причин, среди которых, пожалуй, наиболее существенной является миграция в города³⁶.

Каратайская мордва четко различает название своего селения и этническое самоназвание. «Каратаи — наша деревня. Мы себя зовем мордвой... Каратаями мы себя не называем и никто нас так не называет. Говорят, вона каратаевские, т. е. из деревни Каратаи. А насчет нации мы — мордва»³⁷.

Терюханам в специальной литературе именуют этнографическую группу мордвы, скорее всего эрзянскую, жившую в прошлом на территории Терюшевской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии (ныне Дальнеконстантиновского р-на Нижегородской обл.), к началу XX в. полностью обрусевшую. Слово *терюхане* не было этническим самоназванием терюшевской мордвы, не использовалось в качестве этнонима и русскими соседями. По происхождению оно связано с названием Терюшевской волости, которое в свою очередь восходит к топониму Большое Терюшево — названию села, бывшего центром волости. Вплоть до середины XVIII в. жители этих сел оставались некрещеными, что не мешало им иметь тесные контакты с окружающим русским населением. Задолго до крещения они перешли на русский язык, сохраняя мордовское этническое самосознание и дохристианские верования, традиционные обряды.

Русскоязычность некрещеных терюшевцев дала основание епископу Нижегородскому и Алатырскому Дмитрию утверждать, что они «называются мордвой ложно, понеже они мордвою никогда не бывали и мордовского языка не знали и не знают, а говорят как суздальские или ярославские мужики»³⁸. При встрече с ними нижегородского губернатора князя Друцкого, интересовавшегося, почему они, если они действительно мордва, не говорят по-мордовски, они отвечали: «... деды и отцы наши мордовского языка не знали и мы не знаем, говорим исстари по русски...»³⁹. Во второй половине прошлого века терюшевское мордовское население находилось на завершающей стадии обрусения, а в первых десятилетиях XX в. полностью утратило мордовское самосознание, окончательно влившись в состав русского этноса. Эту группу, теперь уже русского населения, вряд ли правомерно считать сейчас этнографической группой мордвы.

Итак, в этноструктуре мордовского народа в настоящее время выделяются два субэтноса — эрзя и мокша — и две этнографические группы — так называемые шокша и каратаи.

Примечания

¹ Лит. газета. 1989. 6 декабря. С. 4.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 89, 150.

³ Константин Багрянородный. Об управлении государством // Изв. Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 91. М.; Л., 1934. С. 16.

⁴ Цит. по.: *Гордеев Ф. И.* Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 194—195.

⁵ Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 96.

⁶ *Мошкин Н. Ф.* Происхождение этнонима эрзя // Вопросы географии Мордовской АССР. М., 1974. С. 34—36; *его же.* О теониме Мокошь, гидрониме и этнониме Мокша // Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976. С. 331.

⁷ *Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Пг., 1916. С. 38.

⁸ *Шнирельман В. А.* Протоэтнос охотников и собирателей по австралийским данным // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 99.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1926. С. 11.

¹⁰ *Мартьянов А.* Мордва в Нижегородском уезде // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 24; С. 194; *Гребнев М.* Мордва Самарской губернии // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1886. № 23. № 462; *Киселев А. Л.* Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. С. 7. *Назаркин Н. Я.* Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск, 1973. С. 83—84, 89—90.

¹¹ *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 89.

¹² *Филатов Л. Г.* К вопросу формирования и развития мордовской социалистической нации // Тр. Мордов. НИИ языка, литературы, истории и экономики. Вып. XXIV. Саранск, 1963. С. 26; *Сухарев А. И.* Социальный облик Советской Мордовии. Саранск, 1980. С. 14.

¹³ Центральный государственный архив Октябрьской революции. (Далее — ЦГАОР). Ф. 1318 (Наркомнац). Оп. 1. Д. 1010. Л. 59.

¹⁴ Там же. Д. 1011. Л. 33—33 об.

¹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁶ Центральный государственный архив Мордовской АССР. Ф. Р-175 (Советы). Оп. 5. Д. 192. Л. 37.

¹⁷ *Степанов П. Д.* К вопросу о происхождении мордвы // Записки Мордов. НИИ социалистической культуры. № 3. Саранск, 1941. С. 26.

¹⁸ *Степанов П. Д.* Древнейший период истории мордовского народа // Записки Мордов. НИИ языка, литературы, истории и экономики. № 15. Саранск, 1952. С. 173.

¹⁹ ЦГАОР. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 125. Д. 182. Л. 395, 405.

²⁰ *Мошкин Н. Ф.* Этническая история мордвы. Саранск, 1977. С. 211—212.

²¹ Полевые материалы автора. 1961 г. Записано от мордовки (эрзянки) Е. Ф. Биюшкиной, 1893 г. рожд. (с. Иванцево Лукояновского р-на Нижегородской обл.).

²² Там же. Записано в 1973 г. от мордовки (мокшанки) А. А. Надиной, 1900 г. рожд. (с. Новое Дракино Ковылкинского р-на Мордовской АССР).

²³ Там же. Записано в 1984 г. от мордовки (мокшанки) Е. А. Ермашовой, 1930 г. рожд. (с. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского р-на Мордовской АССР).

²⁴ Там же. Записано в 1973 г. от мордовки (мокшанки) А. К. Чижаевой, 1930 г. рожд. (с. Журавкино Zubovo-Полянского р-на МАССР).

²⁵ Там же. Записано в 1973 г. от мордовки (мокшанки) В. П. Семкиной, 1910 г. рожд. (с. Журавкино).

²⁶ Там же. Записано в 1973 г. от мордвина (мокшанина) Д. В. Агеева, 1928 г. рожд. (с. Глушково Инсарского р-на Мордовской АССР).

²⁷ Там же. Записано в 1973 г. от мордовки (мокшанки) Е. И. Якушкиной, 1892 г. рожд. (с. Новое Дракино Ковылкинского р-на Мордовской АССР).

²⁸ Там же. Записано в 1975 г. от мордвина (эрзянина) А. М. Чужайкина, 1924 г. рожд. (пос. Ворошилово Алатырского р-на Чувашской ССР).

²⁹ Там же. Записано в 1975 г. от мордовки (эрзянки) М. И. Долговой, 1912 г. рожд. (с. Атрать Алатырского р-на Чувашской ССР).

³⁰ *Мошкин Н. Ф.* Этническая история мордвы. С. 212.

³¹ *Горбунов В. В.* К вопросу о формировании мордовской социалистической нации // Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск, 1955. С. 58; *Дорожкин М. В., Яшкин И. А.* Мордовская государственность — детище ленинской национальной политики // По зовам Ленина. Саранск, 1970. С. 94; *Сухарев А. И.* Указ. раб. С. 16—18; *Дорожкин М. В., Козлов В. И.* Этнические процессы // Мордва (историко-этнографические очерки). Саранск, 1981. С. 314.

³² *Мошкин Н. Ф.* Этнонимы мордвы, эрзя, мокша и их употребление // Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971. С. 285—291.

³³ *Надькин Д.* Дорога к храму // Сов. Мордовия. 1989. 31 октября. С. 3; *Кемайкина Р.* Киян монс? // Сятко. 1990. № 4. С. 79—84; *Гурьянов С. К.* Особенности мордовского национального самосознания // Сов. этнография. 1990. № 4. С. 126—128.

³⁴ *Бромлей Ю. В.* К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Сов. этнография. 1989. № 6. С. 10.

³⁵ *Томаповская О. С.* Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 204.

³⁶ *Мошкин Н. Ф.* Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 64.

³⁷ Полевые материалы автора. Записано от жителя д. Мордовские Каратаи И.З. Демина, 1924 г. рожд.

³⁸ Центральный государственный архив древних актов. Ф. 248. Правительствующий Сенат. Оп. 14. Ед. хр. 805. Л. 7.

³⁹ Там же. Л. 12.